

МИССИОНЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

МИССИОНЕРСКАЯ И ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

СВЯТОГО РАВНОАПОСТОЛЬНОГО НИКОЛАЯ,
АРХИЕПИСКОПА ЯПОНСКОГО

Епископ Серафим (Амельченков)
/ Владимир Леонидович Амельченков

доктор теологии, кандидат исторических наук, профессор
председатель Синодального отдела по делам молодёжи Русской
Православной Церкви
профессор кафедры церковно-практических дисциплин
Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых
равноапостольных Кирилла и Мефодия
115035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1
seraphim@list.ru

Для цитирования: *Серафим (Амельченков), еп.* Миссионерская и переводческая деятельность святого равноапостольного Николая, архиепископа Японского // Богословский вестник. 2024. № 2 (53). С. 324–335. DOI: 10.31802/GB.2024.53.2.014

Аннотация

УДК 27-76-051 (27-764) (271.2)

Созданные свт. Николаем миссионерские переводы — это сокровище, оставленное им для Японии. Миссионерская переводческая деятельность требовала от Святителя решения сложной задачи — синтеза разнородных по сути своей библейско-христианской и национально-японской традиций. Особенностью перевода на японский язык является его двусоставность: японский разговорный язык и фактически китайский письменный. Этим языком для архипастыря стал японский литературный язык — бунго. Благодаря использованию бунго свт. Николаю удалось удержать высокую планку языка перевода и избежать какого-либо просторечия и вульгаризмов в языке богослужения. Ещё одной задачей явился выбор лексики, необходимой для точного выражения богословских понятий. Был выработан на японском языке особый православно-богословский словарь. На японский язык был полностью переведён Новый Завет и большинство богослужебных книг.

Ключевые слова: Японский язык, миссионерский перевод, лингво-культурная среда, «бунго».

Missionary and Translation Activities of Saint Nicholas Equal of the Apostles, Archbishop of Japanese

Bishop Seraphim (Amelchenkov) / Vladimir L. Amelchenkov

Doctor of Theology, PhD in Historical Sciences, Professor

Chairman of the Synodal Department for Youth Affairs of the Russian Orthodox Church

Professor at the Department of Church Practical Disciplines at the Saints Cyril and

Methodius Institute for Postgraduate Studies

4/2, p. 1, Pyatnitskaya st., Moscow, 115035, Russia

seraphim@list.ru

For citation: Seraphim (Amelchenkov), bishop. "Missionary and Translation Activities of Saint Nicholas Equal of the Apostles, Archbishop of Japanese". *Theological Herald*, no. 2 (53), 2024, pp. 324–335 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2024.53.2.014

Abstract. Created by St. Nicholas's missionary translations are a treasure he left for Japan. Missionary translation work required the Saint to solve a difficult task – the synthesis of essentially heterogeneous biblical-Christian and national-Japanese traditions. The peculiarity of translation into Japanese is its two-part nature: Japanese spoken language and actually written Chinese. This language for the archpastor was the Japanese literary language – bungo. Thanks to the use of bungo St. Nikolai managed to maintain a high standard of the translation language and avoid any vernacular and vulgarisms in the language of worship. Another challenge was the choice of vocabulary necessary to accurately express theological concepts. A special Orthodox-Theological Dictionary was developed in Japanese. The New Testament and most liturgical books were completely translated into Japanese.

Keywords: Japanese language, missionary translation, linguistic and cultural environment, bungo.

** The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research grant 21-012-41004 «Medieval Russian-Jewish Contacts and Slavic Targum».

В миссионерской деятельности перевод Священного Писания и богослужения на язык обращаемого народа является одной из наиболее важных сторон. Это способствует органичному усвоению начал новой веры. Миссионерский перевод не только доносит смысл вероучения, но также помогает и самому миссионеру влиться в новую для него языковую среду, прочувствовать и понять особенности мировоззрения, мировосприятия другого народа. Так, среди выдающихся переводчиков, чья деятельность была связана с русскими духовными миссиями за рубежом, особое место занимает святой равноапостольный Николай (Касаткин), архиепископ Японский.

Перевод на японский язык Священного Писания, богослужений, православной литературы святитель считал главным делом своей жизни. Его соратник востоковед Дмитрий Матвеевич Позднеев сообщает:

«В настоящее время вообще работа миссии, в какой бы то ни было стране, не может ограничиваться одной устной проповедью. Времена Франциска Ксаверия, бегавшего по улицам с колокольчиком и созывавшего таким путем слушателей, прошли. В Японии же, при любви населения к чтению и при развитии уважения к печатному слову, верующим и оглашаемым прежде всего нужно давать книгу, написанную на их родном языке, непременно хорошим слогом и тщательно, красиво и дешево изданную. Особенное значение у нас имеют книги, выясняющие вероисповедные различия с католичеством и протестантством. “Мне, [говорил преосвященный Николай,] много раз приходилось быть очевидцем того, как наши христиане, вооруженные знаниями, почерпнутыми из миссийских изданий, вели собеседования со своими соотечественниками католиками и протестантами и оставались победителями. Печатное слово должно быть душою миссии”»¹.

В своём прошении Святейшему Синоду от 18 декабря 1878 г. об «обеспечении учреждения Миссии» архим. Николай привёл программу переводческой деятельности:

«По Священному Писанию хоть что-нибудь для пользования есть; по части же богослужения ровно почти ничего нет, переведено только самое необходимое для отправления всенощной, литургии и совершения таинств. Оставаться далее при этом нет никакой возможности, иначе в церкви явится протестантский произвол и неурядица.

1 *Позднеев Д.* Архиепископ Николай Японский: Воспоминания и характеристика. Санкт-Петербург, 1912. С. 13–14. [Приводится в современной орфографии.]

Словом, перевод богослужения — дело существеннейшей, не терпящей малейшего отлагательства, необходимости. Для катехизаторской школы нужны дальнейшие учебники, для священников и катехизаторов — преимущественно религиозно-научные книги, для всех вообще христиан — книги религиозного содержания для чтения»².

Разработку конкретного плана работ он предложил возложить на начальника миссии, т. е. на себя³.

Изучению культуры Японии и языку народа, её населяющего, свт. Николай отдал около пятидесяти лет своей жизни. Результатом его переводческой деятельности стало создание православной общины японских христиан в более чем 200 приходах с паствой, насчитывающей 34 тысячи прихожан. При нём в Японии было построено 182 храма, включая 8 соборов, открыта духовная семинария, катехизаторское училище, школы, иконописная мастерская. Осуществлялось издание 4 журналов: журнал «Вестник православия», женский журнал «Духовная красота», журнал «Основы православия», в котором печатались жития и проповеди святых, научно-философский журнал «Духовное море». С целью ознакомления японского народа с русской литературой было создано Общество переводчиков-японцев. Святитель Николай не только сам очень любил читать, но и знакомил свою паству с русской литературой. Ибо знание русской литературы, как справедливо считал святитель, необходимо для понимания культуры России, для изучения её. Благодаря трудам переводчиков из Общества переводчиков японскому народу открылся мир русской литературы XIX века — Пушкин, Достоевский, Тургенев и другие выдающиеся писатели и поэты⁴. Святитель говорил:

«Пусть переводят и читают <...> Узнав русскую литературу, узнав Пушкина, Гоголя, Лермонтова, графов Толстых, нельзя не полюбить России»⁵.

Для того, чтобы как можно более полно, более быстро перенести догматические основы православного христианского вероучения на почву традиционного японского мировосприятия, для полноценного их соединения и слияния, святитель Николай применял особые

2 *Антоний (Мельников), архиеп.* Святой равноапостольный архиепископ Японский Николай // БТ. 1975. Сб. 14. С. 48–49.

3 Там же.

4 *Акимова А. С.* Святитель Николай Японский и Ф. М. Достоевский: исторические факты и их эпистолярные интерпретации // Филологический журнал. 2011. № 1 (18). С. 6.

5 *Позднеев Д.* Архиепископ Николай Японский: Воспоминания и характеристика. С. 35.

средства — языковые, или лингвистические. Такой как бы «окультуренный» перевод в целом стал основным методом миссионерского служения святителя.

Миссионерская переводческая деятельность постоянно требовала решения очень сложной задачи — синтеза совершенно разнородных по сути своей национально-русской библейско-христианской и национально-японской конфуцианской, синтоистской, буддийской традиций. Такое удивительное сочетание японских культурных и русских религиозных смыслов в языковой среде японского народа обрело свою особенную жизнь и стало частью их духовной традиции.

Следует отметить, что особенностью японского языка является его двусоставность. Дело в том, что в нём сочетаются японский разговорный язык и фактически китайский письменный. Присутствуют разные способы письма, фонетические знаки, грамматические конструкции, совершенно не похожие одна на другую, сочетание форм, требующих порой инстинктивного погружения в обороты разговорной и письменной речи⁶. Всё это привносило дополнительную сложность в изучение, но в то же время утончало и обогащало перевод.

Приступая к изучению японского языка свт. Николай понимал, что овладеть этими навыками ему самому удастся только через исследование и непосредственное погружение в традиционную культуру и историю Японии. Досконально изучая японский и китайский языки, он постепенно смог читать аутентичные сочинения: синтоистскую и конфуцианскую литературу, «Сутры лотоса» и другие буддийские книги, японские исторические памятники «Кодзики» («Записи о делах древности» — древнейшая летопись Японии, VIII в.), «Нихонги» («Японские хроники»), «Дайнихон-си» («История Великой Японии») и другие сочинения. В предисловии к своему историческому исследованию «Сёогуны и микадо» свт. Николай подчёркивал, что для верного понимания японской культуры

«...нужно изучить не костюм и внешние приемы японца, а его дух в историческом развитии, словом, изучить его литературу»⁷.

6 Ср.: Вишнякова О. Д., Панькина Ю. А. Интертекстуальные включения в когнитивно-прагматическом и переводческом аспектах // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4. С. 71–80.

7 Николай, иером. Сёогуны и микадо: Исторический очерк по японским источникам // Русский Вестник. 1869. Т. 84. № 11. [Ноябрь]. С. 208.

А вот как описывает свт. Николай один из обычных этапов переводческого труда:

«Употреблены все меры ясно вразуметь и выразить текст; пред нами были: три греческих текста, два латинских, славянский, русский, английский, французский, немецкий, три китайских, японский, толкования на русском и английском, все, все лексиконы — каждый день, почти каждый час, приходилось копаться во всем этом...»⁸.

Разумеется, такого качества переводческая работа требовала высокой образованности от её исполнителей, и не случайно современный японский исследователь русского наследия в Японии, составитель Дневников святителя Николая, г-н Накамура приходит к выводу:

«Судя по всему, в Православной Церкви в России зарубежное миссионерство было сферой, где трудились в основном люди интеллектуального склада»⁹.

Результатом обширной переводческой деятельности, сопряжённой с исследованиями в области лингвистики, требующими такого высокого интеллектуального уровня, стало появление новой своего рода лингво-культурной среды, которая обогащала духовный опыт просвещаемого народа. Начиная с трудов свт. Николая, миссионеры-переводчики выступали посредниками между различными культурными традициями, объединяя их, чтобы, погрузившись в новую для них языковую стихию, познать и прочувствовать всю полноту мировосприятия другого народа.

Благодаря работам архипастыря и Русской духовной миссии японской культуре эпохи Мэйдзи (1868–1912 гг.) стал доступен значительный свод текстов православной традиции, восходящей к древней традиции христианского Востока. И эти тексты (гимнографические, догматические, проповеднические, дидактические) не являются просто суммой различных по происхождению сочинений. Их культурно-историческое и вероучительное единство обусловило их полную взаимосвязь друг с другом, стало своего рода диалогом между этими текстами. Они насквозь пронизаны цитатами и аллюзиями, источником большинства из которых является Священное Писание. Собственно, такая

8 *Николай, еп.* Краткий миссионерский дневник [26 ноября / 8 декабря 1896. Вторник] // Дневники святого Николая Японского / сост. К. Накамура. Т. 3: 1893–1899. Санкт-Петербург, 2004. С. 417.

9 *Накамура К.* Дневники св. Николая Японского [март 2003 года] // Дневники святого Николая Японского / сост. К. Накамура. Т. 1: 1870–1880. Санкт-Петербург, 2004. С. 13.

взаимосвязь, или интертекстуальность¹⁰ — один из факторов, влияющих на выбор исходного текста при миссионерском переводе и усложняющих задачи переводчика. Поэтому все тексты должны быть переведены как единый документ, иначе будет утрачена полнота представления о единстве Священного Писания и Священного Предания. Ибо когда перевод осуществляется с различных источников, а иногда это неизбежно, возникают серьёзные лексические и смысловые несовпадения. Святитель Николай отмечал:

«Натурально желается, чтобы японец всякое слово Священного Писания, вошедшее в богослужение, нашел и собственными глазами видел в Библии; японцы же так охочи до того, и пытливость эта так законна»¹¹.

Иными словами, определённые фрагменты Библии, включённые в текст богослужения, переведённый с церковнославянского, не совпадали с теми же фрагментами в тексте Библии, переведённой с английского или русского языков. А ведь именно опора на библейский текст определяет глубину текста богослужения, его включённость в традицию. Несовпадение текстов приводит к разрыву единого смысла, и такие просто технические трудности перевода вызывают серьёзные богословские проблемы. Таким образом, затруднения в выборе исходного текста ставят миссионера-переводчика перед проблемой перевода богослужебных текстов на русский язык: славянский текст не расшифровывается, он не ясен. Об этом святитель писал:

«Ныне идет 4-ая глава Октоиха; переводится целиком все, что есть в славянском тексте. И вот тут-то видишь, как необходим перевод богослужения на русский или, по крайней мере, — приведение славянского текста в удобопонятный вид. Иногда над одним стихом простоишь полчаса и более, чтоб только уразуметь смысл его...»¹².

Проблема перевода Священного Писания и текста богослужения на русский язык не была специфически церковной, она была связана со многими явлениями русской общественной и культурной жизни начала и середины XIX века. Собственно, и ныне эта проблема является

10 См.: Кошелева Т. И. Интертекстуальность в религиозном дискурсе // Вестник НовГУ. 2008. Вып. 47. С. 75–77.

11 Николай Японский, *свт.* Видна Божия воля просветить Японию: сб. писем / ред. сост. Г. Г. Гуличкина. Москва, 2009. С. 117.

12 Там же. С. 56.

предметом острого обсуждения как в церковных, так и в нецерковных кругах¹³.

Существенным аспектом миссионерской деятельности свт. Николая как переводчика был выбор языка для перевода на него текстов Священного Писания. Этим языком для архипастыря и его помощников-миссионеров стал на тот момент японский литературный язык — бунго. Язык этот появился во времена так называемой эпохи Хэйан (794–1185 гг.), которую называют «Золотым веком» культуры в Японии. И это вполне оправдано: именно в это время появились величайшие литературные произведения, такие как «Гэндзи-моногатари» («Повесть о Гэндзи») и «Записки у изголовья». Произошло это не просто так. Дело в том, что незадолго до этого появились исконно японские способы письма — хирагана и катакана. Изобретение собственной письменности дало огромный толчок развитию литературного японского языка. Так, на основе классического японского, на котором говорили аристократы эпохи Хэйан, и появился литературный язык «бунго». В дальнейшем произошёл ещё один интересный феномен: в то время, как разговорный японский язык продолжил видоизменяться, бунго как бы замер в эпохе Хэйан. Впрочем, это не помешало ему дожить вплоть до начала XX века и сохранить культурную значимость и до настоящего времени.

Во времена свт. Николая это был язык японского дворянства и аристократов-самураев, что несколько затрудняло его понимание для людей более низких сословий. Но именно благодаря использованию бунго свт. Николаю удалось удержать высокую планку языка перевода и избежать какого-либо просторечия и вульгаризмов в языке богослужения. Несмотря на то, что в области понимания текстов между образованными сословиями и простым народом был весьма большой разрыв, в XX веке именно бунго стал языком православного богослужения в Японии, являя собой некий аналог церковнославянского в Русской Православной Церкви.

Ещё одной сложной задачей, стоявшей перед миссионером-переводчиком в области традиционной восточной культуры, является задача выбора лексики, необходимой для точного выражения богословских понятий. Ведь неверно выбранный словарный состав языка может

13 См.: *Кравецкий А. Г., Плетнева А. А.* История церковнославянского языка в России (конец XIX — XX в.). Москва, 2001. (Studia philologica). С. 16; *Лихачев Д. С.* Русский язык в богослужении // Церковнославянский язык в богослужении Русской Православной Церкви: сборник / сост. Н. Каверин. Москва, 2012. URL: <https://blagogon.ru/biblio/273/>

исказить смысл, неправильно сориентировать новообращённых, для которых будет потеряна возможность найти различия между синтоистскими, буддийскими и православно-христианскими понятиями. К примеру, свт. Николай всячески старался избегать таких японских слов, как «до:» (выражаемым японским иероглифом 道 «ми́ти»), что в переводе на русский означает «путь». Но вследствие этого перед переводчиком появилась ещё более сложная задача: избегая использования уже имеющихся в языке слов, нужно либо в самом тексте прибегать к истолкованию и пояснению различных понятий, а это, несомненно, может исказить исходный текст, либо для более точной передачи смысла следует обогащать словарный состав языка новыми словами.

Для достижения высочайшего качества переводимого текста, архиепископу Николаю приходилось, конечно же, активно привлекать и образованных японцев. Понятно, что для этого была чрезвычайно важна сплочённость и доверие, ибо хороший, качественный перевод требовал нескольких кругов проверки. Особо сложные места перевода не единожды уточнялись и исследовались. Сделанный перевод прочитывался в храме во время службы, о нём собирались отзывы, а трудные отрывки переводов или понятий рассылались по христианским общинам, потом опять собирались отзывы, а затем весь перевод снова редактировался.

Но всё же, несмотря на помощь, основная нагрузка по переводу текстов лежала на самом святителе. Он был академически образован, обладал широким кругозором, владел церковно-славянским, греческим, китайским, японским и основными европейскими языками. Он мог целостно видеть смысл переводимого текста¹⁴.

В результате таких сложных и скрупулёзных переводческих трудов святителем Николаем был

«...выработан на японском языке совершенно особый православно-богословский словарь, что представляет собой гигантскую, имеющую большое научное значение, лексикологическую работу»¹⁵.

Русская духовная миссия в Японии была официально основана в 1871 году. И постоянно вплоть до 1912 года (год кончины архипастыря) переводились тексты Священного Писания и богослужебной

14 *Карташёва Н. В.* Культурологические аспекты миссионерских переводов святителя Николая Японского // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 95.

15 *Позднеев Д.* Архиепископ Николай Японский: Воспоминания и характеристика. С. 16.

литературы. Каждый день в течение 30 лет, ровно в шесть часов вечера в келью свт. Николая приходил его постоянный сотрудник по переводам г-н Накаи. Он садился рядом с епископом на низенький табурет и начинал писать под диктовку переводы, наговариваемые ему святителем. Работа продолжалась четыре часа. Откладывалась она только в дни вечерних богослужений и праздников. На японский язык был полностью переведён Новый Завет, часть книг Ветхого Завета, включая Псалтирь и все тексты Ветхого Завета, используемые за богослужением. Из богослужебной литературы были переведены на японский язык Служебник, Требник, Часослов, Октоих, Постная и Цветная Триоди, Общая и Праздничная Минеи, Ирмологий¹⁶.

Высочайший уровень перевода священных и богослужебных текстов на японский язык, выполненных Русской духовной миссией, признавался представителями и других христианских конфессий, в то время открывших свои миссии в Японии. Новых публикаций русского перевода с нетерпением ждали представители протестантских и католических церквей. Да и сам свт. Николай проявлял интерес к переводам текстов Священного Писания других конфессий, поддерживая дружеские отношения с переводчиками как в Японии, так и в других восточных странах.

Следует отметить, что успех Русской духовной миссии в Японии, несмотря на тяжёлые условия и малое число помощников начальника миссии, стал возможен благодаря поддержке и самих японцев, учеников архипастыря — проповедников, катехизаторов, священников и учителей. Современники говорили так:

«Святитель Николай желал, чтобы японцы сами создали свой духовный мир. <...> Нет сомнения в том, что широкая публика вокруг новоучрежденного им православного присутствия находилась под влиянием его духовности. Это влияние не было ограничено узкой сферой, но распространилось во всем японском обществе, где оно сохраняется и по сей день»¹⁷.

Резюмируя, необходимо подчеркнуть, что созданные свт. Николаем миссионерские переводы — это сокровище и богатое культурное

16 *Потапов А. В.* Переводческая деятельность святого равноапостольного Николая, архиепископа Японского // *Духовное наследие равноапостольного Николая Японского: к столетию преставления: сб. тр. науч. конф.* Москва, 2012. С. 152–160.

17 *Ушимару П., прот.* Японское православие и культура периода «Мэйдзи» // *Тысячелетие Крещения Руси: материалы Междунар. церков.-ист. конф.* Киев, 21–23 июля 1986 г. Москва, 1988. С. 231.

наследие, оставленное им для Японии. Его труды исключительны и ценны не только по причине того, что сама японская культура столь отлична от европейской, но и потому что личность архипастыря была многогранна и всесторонне развита. Он обладал чрезвычайной требовательностью к себе, аскетизмом, собранностью и удивительной работоспособностью, которые сочетались с высокой образованностью, склонностью к научной деятельности и незаурядным литературным талантом.

Проповедь святителя Николая Японского — уникальный пример успешного миссионерского служения, основанного на созидательной энергии самого японского народа. В поиске новых слов, в стремлении облечь в новую форму словесный смысл, существовавший прежде в совершенно иной культурной традиции, миссионерский перевод святителя представляет из себя творческую, культуросозидающую основу деятельности человека. И даже краткий анализ сделанных им переводов позволяет сделать вывод о том, что этому выдающемуся архипастырю удалось найти все необходимые филологические средства для того, чтобы в непростой культурной традиции японского народа посеять семя, которое, по слову Спасителя, «упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать» (Мф. 13, 8).

Источники

- Николай, иером.* Сёгоуны и микадо: Исторический очерк по японским источникам // Русский Вестник. 1869. Т. 84. № 11. [Ноябрь]. С. 207–227; № 12. [Декабрь]. С. 416–460.
- Николай, еп.* Краткий миссионерский дневник с 18/30 июня 1896 года. [Продолжение с предыдущей, в красном сафьяне, книжки. Токио, Япония] // Дневники святого Николая Японского: [в 5 т.] / сост. К. Накамура. Т. 3: 1893–1899. Санкт-Петербург: Гиперион, 2004. С. 328–838.
- Николай Японский, свят.* Видна Божия воля просветить Японию: сб. писем / ред.-сост. Г. Г. Гуличкина. Москва: Изд. Сретенского монастыря, 2009.

Литература

- Акимова А. С.* Святитель Николай Японский и Ф. М. Достоевский: исторические факты и их эпистолярные интерпретации // Филологический журнал. 2011. № 1 (18). С. 4–6.
- Антоний (Мельников), архиеп.* Святой равноапостольный архиепископ Японский Николай // Богословские труды. 1975. Сб. 14. С. 5–61.

- Вишнякова О. Д., Панькина Ю. А.* Интертекстуальные включения в когнитивно-прагматическом и переводческом аспектах // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4. С. 71–80.
- Карташёва Н. В.* Культурологические аспекты миссионерских переводов святителя Николая Японского // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 90–103.
- Кошелева Т. И.* Интертекстуальность в религиозном дискурсе // Вестник НовГУ. 2008. Вып. 47. С. 75–77.
- Кравецкий А. Г., Плетнева А. А.* История церковнославянского языка в России: конец XIX–XX в. Москва: Языки рус. культуры, 2001.
- Лихачев Д. С.* Русский язык в богослужении // Церковнославянский язык в богослужении Русской Православной Церкви: сборник / сост. Н. Каверин. Москва: Русский Хронограф, 2012.
- Накамура К.* Дневники св. Николая Японского [март 2003 года] // Дневники святого Николая Японского: [в 5 т.] / сост. К. Накамура. Т. 1: 1870–1880. Санкт-Петербург, 2004. С. 11–56.
- Позднеев Д.* Архиепископ Николай Японский: Воспоминания и характеристика. Санкт-Петербург: Синод. тип., 1912.
- Потапов А. В.* Переводческая деятельность святого равноапостольного Николая, архиепископа Японского // Духовное наследие равноапостольного Николая Японского: к столетию преставления: сб. тр. науч. конф. Москва, 2012. С. 152–160.
- Ушимару П., прот.* Японское православие и культура периода «Мэйдзи» // Тысячелетие Крещения Руси: материалы Междунар. церков.-ист. конф. Киев, 21–23 июля 1986 г. Москва: Изд. Московской Патриархии, 1988. С. 225–232.